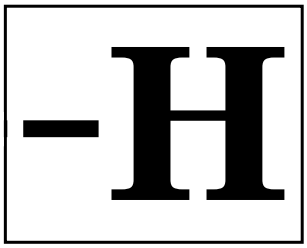
1



еужели снова национальный вопрос? — сказал Федин, положив телефонную трубку.

Ему позвонила неведомая Валентина Андреевна, а телефон ей дали пензенские монахи, которых он защищал. Теперь по их совету связалась с ним и эта православная прихожанка, которую, как она глухо говорила, «изживали соседи». Федину было неприятно слышать, как камнями закидывали ее дом, как пытались надругаться над ее дочерью, как воровали гусей и другую живность. И все из-за чего? Сосед слева, человек известной национальности — Шарлай (прямо как Шарлатан) позарился на ее участок, сосед справа, вроде с русской фамилией — Песчанов, даже отсудил несколько метров земли. И теперь ей еще грозила уголовка: работник Шарлая, узбек Хайдаров, написал, что она своровала у его хозяина мешок утеплителя и банку мастики. И все это случилось в деревне с символичным названием Доскино, рядом с городом с не менее звучным названием Богородск. В глубинке. С людьми, которые не испытывали особой любви к православным.

— Они так и сказали: «Мы тебя, монашка, посадим!» — этими словами закончила Валентина Андреевна.

Вот что понял адвокат из ее сумбурного рассказа.

Договорились: переведут деньги на дорогу — и он приедет.

И вот он ехал в Нижний Новгород, в волжскую столицу, которая помнила царя Василия Третьего, стояла крепостью от набегов татар, слышала призывы Минина и Пожарского на защиту от других инородцев — в город при впадении Оки в Волгу.

В этом городе пряталась от милиционеров, посланных соседями, бывшая учительница. Ехал, а навстречу катил усиливавшийся холод, который кутал пассажиров в теплые вещи, на проводника натянул тулуп, и тот, бедолага, скакал около титана в тамбуре, доводил воду в нем до кипения, чтобы хоть как-то повысить температуру в вагоне, а потом спускал пар, чтобы не разорвало.

Федин наблюдал за суетой в вагоне, накрывался поверх куртки одеялом и думал: «Какая она — прихожанка? Дородная или чахлая? Напористая или заморенная? И как ее угораздило попасть в такую кашу?» Но ответа он не знал, хотя его немалый адвокатский опыт говорил о том, что многие соотечественники оказывались в подобной ситуации. И в такт его молчанию срезом огромных деревьев, словно подровненных ножом, стелились матовые поля.

Его не поразил вокзал, показавшийся слишком маленьким для города со столь богатой историей. Видел он вокзалы побольше в Самаре, в Ростове, в Челябинске, даже в Уфе, а тут — как бы ограненный заводской цех, только напичканный не станками, а солдатами, мешочниками, спрятавшимися от мороза бродягами...

Не поразил трамвай, который долго не приходил, дав прочувствовать все прелести мороза, а потом тряс пассажира в желобе двухэтажек, перешедших в пяти- и девятиэтажки былого расцвета социализма. И вот он в доме, куда его повела дочь учительницы Ксюша, недавняя студентка, в дубленке и сапожках, замотанная по самый нос огромным, как кашне, платком. И вот — сама Валентина Андреевна, несмотря на боль и горечь, обрадованная его приезду сухонькая женщина с мешочком в нижней части шеи.

«Щитовидка», — подумал Федин, здороваясь.

Вскоре он сидел в простенькой комнате с диваном, столом и трюмо, и эта женщина с подушки дивана фонтанировала фактами, желая рассказать все сразу.

— Давайте по порядку... — Он остановил ее. — Когда начался конфликт? Что было и как?

И словно заснул, слушая ее. Она рассказывала, как по совету батюшки продала квартиру в Нижнем («Нижнем Новгороде», — понял Федин) и купила дом в пригороде.

«Надо же, какие советы батюшек бывают!» Она словно упрекала батюшку за этот свой опрометчивый шаг.

С двумя дочерьми, казалось, зажили: завели кур, гусей, растили овощи на огороде. И вдруг сосед Песчанов ей предложил: «Продай участок мне!» Он строился и хотел расшириться за счет соседки.

Она: «Я только выехала из города, а вы — продать...» Но Песчанов решил: разве женщина с двумя дочерьми противник? Он раздавит ее! Стал ломать забор к Валентине — женщина и ее дочери кинулись защищать.

Жена Песчанова расцарапала лицо одной девочке, Песчанов ударил другую, пытался придавить Валентину проволокой к столбу…

Была проверка участкового, но якобы ничего не подтвердилось.

«Как всегда, пользуются беззащитностью слабых», — покачал головой Федин, заметив, как замерла в углу Ксюша.

А мать продолжала рассказывать: состоялся суд, который сначала был на их стороне, а потом все перевернулось, и он вынес решение о расширении участка Песчанова за счет земли Валентины…

Понравилось такое и соседу с другой стороны — Шарлаю. Он предложил: «Валентина! Даю тебе триста тысяч рублей, отдай мне участок». — «Да что вы говорите, он стоит три миллиона!» — ответила. «Ну, тогда получишь три миллиона… проблем!» — обозлился Шарлай.

Объявились узбеки, работавшие на Шарлая. Мать с дочерьми не успевали следить, как пропадали гуси… Наседки… Посыпался мусор на их участок. Полетели бутылки. Узбеки подкрадывались к окнам дома и подглядывали. Дошли до того, что раздевались догола и бегали…

«Ужас!» — Федин глянул на Ксюшу и поразился тому, что та даже не шелохнулась.

Вот такой «благостной» оказалась жизнь в деревне по совету батюшки.

Валентина слегла. Перебралась в Нижний на квартиру к старушке (Федин понял: это там, где они сейчас находятся), за ней смотреть. Шарлай узнал об отъезде «монашки», и его узбеки пошли в атаку. Окружили дом, пытались сорвать решетки, камнями пробили крышу. Дочери спрятались в чулане, оттуда звонили матери, а та, еле двигаясь, теребила все инстанции. И только прибывший наряд милиции урезонил азиатов, которые словно попрятались по щелям, а один, уже зажавший младшую дочь Валентины в углу, рванул через огород в посадку.

«Давят катком!» — ужаснулся Федин.

И вот, когда Валентина уже безвыходно жила на квартире, присматривая за старушонкой, на нее и написали, что она еще и воровка.

«Да я мешка поднять не могу, не то что украсть!» — восклицала женщина.

2

Заныло сердце, и Федин открыл фрамугу, надеясь, что спазм отпустит да заодно проветрится отяжелевшая голова. Попросил чаю. Когда две чашки одна за другой опустели, учительница продолжила. Ее потащили в милицию, кинули в ИВС.

— Но мне почему-то страшно не было, — говорила своим вкрадчивым, вовсе не учительским голосом женщина. — Уезжая с мильтоном (так назвала милиционера), успела схватить молитвенник и всю ночь промолилась.

Потом провели очную ставку с узбеком: тот сказал, что она своровала, он видел.

«Как можешь ты врать!» — воскликнула Валентина. А тот говорил: «Она уперла…» Хотя сам был сторожем, куда-то сам сбагрил.

«А как же ты меня не остановил, раз ты сторож?» — спросила Валентина. «А я побоялся», — ответил узбек. «И это ты говоришь, ты, который бил стекла в моем доме, пытался выломать решетки, воровал гусей?!» Но узбек твердил: «Она… Я ее видел».

Песчанов на очной ставке подтвердил: «Она… Я видел, как несла по двору». Его жена Лысанова поддержала: «Видела…»

Валентину снова поместили в ИВС.

Федин почувствовал, как тонет в потоке событий, которые валились на него.

Но Валентина говорила:

— И когда я была в ИВС, меня чем-то напоили. Я просила воды, а дали такое… Вдруг зажгло в горле. Затошнило. Я звала на помощь, а видела только, как в глазок заглядывали: жива или нет? И только под утро отпустили…

В больнице поняла, что ее отравили. Специально или нет, но врачи констатировали отравление. И вот появилось… — показала на мешочек на шее.

«Час от часу не легче…»

После отравления у нее что-то произошло и с головой, не говоря уже о давлении, и т.д. и т.п. И вот он, Федин — третий по счету адвокат, которого ей посоветовали. Зная, как он боролся за монахинь, она надеялась, что теперь он будет бороться за нее.

«Как у монахинь: Бог троицу любит», — Федин вспомнил дело монахини.

Федин выпил еще две чашки крепкого чая, посмотрел документы — и работа пошла: дочь Валентины принесла ноутбук, и он печатал. Набирал жалобы во все инстанции, понимая остроту момента, когда надо было если и не переломить ситуацию, то хотя бы сбить, остановить волну, катящую на бывшую учительницу.

За печатанием забыл про бутерброды с маслом, вермишель с сосисками на столе.

Все остыло, когда он выпрямился и выдохнул:

— Это надо распечатать и разослать! Начнем отбиваться!

Валентина смотрела на него с умилением, говоря:

— Прежние адвокаты не написали ни одного заявления, а призывали все взять на себя. Получить «немного» и отделаться испугом.

— Ничего себе, немного! Статья «до пяти лет лишения свободы»!

— Да?! — глаза у Валентины округлились.

«Ну и идиоты же с ней работали… Даже не сказали, что ей за такое светит».

— Но «легко отделаться» не то что с последствиями, но с клеймом воровки я не согласна. Я не воровка!

Федина озадачило это утверждение, но, как и в деле монахини, ее твердость убеждала в невиновности.

— Оставайтесь! У нас для вас квартира снята, — сказала Валентина.

— Думаю, сейчас в этом необходимости нет.

Федин понял, что дело его подзащитной находится в состоянии «замирания», ее пока никуда не вызывают. Ему не очень-то хотелось в мороз под тридцать градусов оставаться в чужом городе. Весь февраль для него напоминал гонку по городам и судам, и он был рад любой возможности оказаться в тепле своего дома.

Обсудив с учительницей и ее дочерью, что им делать, что он будет делать, засобирался домой.

Ксюша на трамвае провожала его на вокзал. Теперь Федин ехал в расслабленном состоянии, потому что уже знал немного дело, ведь когда ехал сюда, находился в полном неведении. Он уже не был так молчалив.

— Идиоты! Нашли, с кем тягаться — со слабыми...

Заметив, что на лице Ксюши не дрогнул ни один мускул, подумал: «Мать — монашка. И дочь — монашка».

Купив билет, предложил:

— Может, покажете город?

— Мне надо к сестре ехать.

— Куда-куда?

— В Доскино. Она там одна.

— А что там?

— Охраняет, чтобы дом не разграбили...

«Вот же свалилось...» — пожалел он мать с дочерьми.

Пряча руки в варежки, лицо в капюшон, он ходил по опустевшей набережной Оки и поражался величию окского водного потока, за мостом таранившего волжское течение. Вглядывался в правобережье Оки, которое было усеяно бисером огней, вспоминал Владивосток, где когда-то тоже гулял, и взлетавший в гору свет так же отражался в воде.

Он возвращался в Воронеж не то что с тяжестью, а с какой-то облегченной тяжестью — облегченной тем, что теперь прояснилось, в чем обвиняли его учительницу, и понятен был всплывший в новом ракурсе «национальный» вопрос...

В его душе клокотал естественный протест: «Да образумьтесь! Что вы делаете с женщиной! Что — с ее детьми!»

Но заснеженное пространство за вагонным окном даже не колыхнулось, выказав равнодушие природы к человеку, и как бы навевало холод и на отношения между людьми.

Федин даже невольно восхищался многокилометровой гладью, взлетавшей на холмы снежными одеждами и улетавшей за горизонт полотнищами в редких огнях. Где-то в таких же снежных полях зимовал пока неведомый ему городок Богородск — не Богородицк, что на полпути от Воронежа до Москвы с величественным парком и прудом, а Богородск, известный кожевенными делами.

— Дублением кож и... людей, — сказал Федин в сердцах.

3

Только он вернулся домой, как на него навалилась такая масса других дел, что он, потный даже в минус двадцать пять, носился по судам и постепенно забывал бывшую учительницу из Нижнего. Как вдруг пришла телеграмма — его приглашала к себе следователь из Богородска.

«Бушуева, — увидел фамилию подписавшего следователя. — Значит, знает обо мне... Что ж... Вот теперь и тяни лямку!»

Ехать в Нижний не хотелось. Щемило сердчишко, да еще трещали февральские морозы.

Сколько раз на его глазах ломали других, сколько раз он ломал себя! И это «ломание» стало неотъемлемой частью его профессии. Теперь на это ушло немного времени: полчаса покочевряжился, полчаса одевался, не желая ехать за билетом, час впустую ехал на вокзал — билетов не оказа-

лось, потом сутки ждал дома и лишь за шесть часов до отправления поезда на Казань, который проходил через Нижний, сунул в карман бледно-коричневый проездной листочек.

Пролетали станции, мелькали названия: Грязи, Мичуринск — и под вечер появилась Рязань, показавшаяся какой-то низенькой, тусклой, своей обыденностью напоминавшая райцентр, а не областной город.

Из теплоты вагона вынырнул на устремленную в подбеленную темноту платформу. Съежился. «А ведь когда-то центр княжества, — подумал о былом. — Тогда не было адвокатов, и все решалось куда проще... И честнее».

После Рязани долго ждал Владимир, который словно засветился поставленным на стапели подводным кораблем-вокзалом и часовыми — церквями, выстроившимися в почетный караул над рекой.

С Нижегородского вокзала его путь пролег на автовокзал по мосту через Оку. Его встретила Ксюша, все такая же собранная, внешне спокойная, в дубленке и платке-кашне. С автовокзала поехали на «Газели» по перекатным спускам и подъемам правого берега Оки, по которому разбежались игрушечные домики многочисленных нижегородских пригородов.

Федин заглядывался на заокский простор и представлял себя стражником рати, объезжавшим вверенный ему на охрану край.

Но он не был стражником. Милицейские «стражники» ждали его в Богородске, ждали с Валентиной Андреевной, а он вез справку, что она больна, не может явиться по вызову, чем должен был развеять все надежды «стражников» на ее допрос.

«Доскино»...

От дороги отделилось более узкое шоссе и ушло в поле с березами.

«Богородск»...

— Богом рожденный, — поиграл словами Федин и, поглядывая на чахлые домишки, прилипшие к канавам, пробурчал: — Что-то Бог не очень старался...

Но первое впечатление изменили появившиеся тучные кирпичные особнячки, каждый со своей изюминкой: с колоннами или крылечком, с простыми наличниками или резными.

— Давайте быстрей! — поторапливала Ксюша. — Если мы не явимся, Бушуева наряд пошлет...

— Бу-шу-е-ва, — по слогам произнес Федин, представляя, какая гром-баба встретит их в ментовке.

Но встретила их щуплая блондинка в черном костюмчике, сидевшая за столиком боком к маленькому, как в северных домах, окну.

— Вот, адвокат, — вытащил он удостоверение. — По вашему вызову прибыл...

— А где?.. — подняла свои тусклые глаза.

— Валентины Андреевны не будет... У нас есть бумага: вот. Врач считает, что по состоянию здоровья с ней проводить следственные действия нельзя. Иначе мы ее...

Стоявшая сзади Ксюша кивнула.

— А вы бы могли и побыть в коридоре, — сказала ей следователь.

— Ну, зачем же... Она нам тоже многое скажет. Нужное для вас.

— Так, — Бушуева вчиталась. — А кто это написал?

— Врач-невропатолог, — теперь сказала Ксюша.

Бушуева заерзала.

— Так что... — Федин развел руками. — Мы вообще будем просить приостановить дело.

— Почему?

— А я хочу выяснить у врачей, сколько будет болеть...

— Выясняйте! — вдруг резко сказала Бушуева.

— Если у вас какие сомнения по поводу справки, можете позвонить, там телефон указан, — сказал, несколько успокоившись, Федин.

— Позвоню... Проверю... — Бушуева вертела в руке справку.

4

— Как мы ее! — осторожно прихлопнул по спине Ксюшу Федин, когда они вышли из кирпичного, тоже бывшего как бы купеческого дома. — Мы таких справок достанем, сколько надо, и будем отбиваться!

Он чувствовал легкость: не пришлось нервничать на допросе, о чем-то переживать и отяжелять себя новыми проблемами. Он их отбросил, хотя и понимал, что это только на время.

— Лучше не работать, чем работать, — пробубнил, беря у Ксюши деньги за приезд.

На обратном пути заехали в Доскино, и Федин воочию увидел домик учительницы, который в слепящем пространстве зажало между доминами соседей, с изгородью, разбитой у ворот.

— Это следы того, как они к нам ломились, — говорила Ксюша. Затем — около забора вдоль межи: — Вот сюда придвинули... — Показывая на крышу сарая: — Отсюда к нам на участок прыгали...

У Федина возникло физическое желание набить морду одному соседу и другому тоже — за то, что так осложнили жизнь матери и двум ее детям.

— А сестра в доме, — сказала Ксюша.

— А зайти в дом?

— Нет, не получится. Она закрылась.

— Вот жизнь! — Федин плюнул, глянув на сторожку у ворот Шамрая, в окне которой виднелись три азиата.

Они возвращались назад, а Федин все глубже уходил в себя: «Вот понаехали! И житья нет».

Он часто нервничал по подобным поводам. Когда вел дело медсестры, которую выселяло «лицо кавказкой национальности», или дело студентки, которую «испортил» пламенный потомок из страны царицы Тамары, экономистки — ее унижал поволжский нацмен... Настроение испортилось. Поэтому с Валентиной Андреевной он был скуп в словах.

Сразу спросил:

— У вас справка на сегодня — это хорошо... А могут написать на месяц? На полгода?

— Я думаю, могут. У меня же только ухудшается здоровье.

— Тогда берите, — проглотил комок в горле. — И везите следачке...

Время, которое они выиграли у следствия, он хотел использовать как можно эффективнее:

— И пишите, пишите на следачку, во все инстанции. Я тоже катну. Может, задавим их жалобами — и они дело закроют...

— Ой, закрыли бы! — взмолилась Валентина Андреевна.

Попрощались.

Ксюша убежала к врачу делать новую справку для матери, а Федин воспользовался тем, что до поезда оставалось несколько часов, и поехал на трамвае в центр города. Теперь он ехал и наслаждался: в его городе мэр умудрился уничтожить трамвай — лучший из всех видов транспорта, и теперь он с удовольствием слушал слабый перестук колес, ощущал мягкое покачивание вагона и глазел по сторонам, словно вспоминая свои поездки на трамвае по Воронежу. Вагончик нырял между домами, потом вывернул напрямую и пополз по огромному мосту.

Федин, как на парашюте, завис над километровым катком Оки, а его словно воздушными потоками тянуло и тянуло вверх. Вот вагончик на правом берегу завертелся по спирали, влезая на еще большую высоту, замер над колыхнувшимся в дымке простором, а потом нырнул между холмов и вошел, словно нож, в узкое пространство между старенькими домишками.

Он вышел из трамвайчика и пошел по Большой Покровской.

— Не хуже Арбата! — воскликнул.

Теремной банк. Доходные дома с лепниной. С колоннами. С фигурками богов...

И вдали — скупая по убранству, отвесная стена с плотными бойницами и низко нависшими надлобьями крыши. Кремль!

Он не ожидал увидеть на Волге кремль таким, какой знал и видел на Москве-реке.

Такой же закрытый стенами, такой же подсвеченный снизу и сверху, с яичного цвета стенами и множеством горящих окон административных зданий...

Его повлекло к обрыву. Он попал в Михайловский собор и замер перед опрошенной плитой со скупой надписью: «Кузьма Минин»...

Это был словно финал — финал его нижегородского пути: сначала — к крестьянину, потом — к боярину, спасителю России.

5

На душевном подъеме он вернулся домой. Много энергии уходило на бесконечные рабочие хлопоты: печатал жалобы, отвечал на звонки, сам куда-то звонил... и нередко не находил себе места, вспоминая трех несчастных: мать и двух дочерей.

А вести от них приходили неутешительные: следачка приезжала и хотела войти в квартиру к Валентине Андреевне, и у той снова подскочило давление, и вызывали «скорую»; Ксюша занемогла, и Федин волновался: «Вы уж ее бы поберегли, она же единственная рабочая лошадка осталась». И все глубже чувствовал, как неспокойно в Нижнем Новгороде, и неизвестно, когда пленницы обретут покой.

Уже посещали чуть ли не крамольные мысли: «А если не выдержат?..»

Тогда совсем становилось не по себе.

А зима на исходе еще кружила снежными бурями, то ожесточаясь до минус тридцати, то внезапно передыхая на нулевой отметке. Зажатый между соседними хоромами домик в Доскино представлялся снежной бабой, к которой несмотря на заносы каждый день пробиралась снегурочка Ксюша, чтобы проведать сестру и потом поспешить к матери в Нижний.

«Ох! — вздыхал Федин. — И зачем же я только влез в это дело?»

Дед Мороз будто наяву смеялся: «А чтобы замерзнуть».

Подкатил март, и он, чувствуя, что не за горами тот день, когда его позовут в Нижний, послал эсэмэску: «Можно заранее перевести деньги на приезд...»

Не успел отправить, как раздался звонок.

— Ведь еще никого не приглашают, — говорила Валентина.

— Но ведь пригласят...

— Я до 23 марта больна. Вы нам жалобу напишите, как правильно. Мы вам пришлем документы. Надо жалобу написать.

«Какую еще жалобу? Я их написал уйму!» — подумал и:

— Да, но ведь мне скоро ехать...

И вдруг оттуда прорвалось:

— Мы вам заплатили...

— Как? То, что отдали, ушло на дорогу.

— Но это все деньги... У нас больше нет...

— Как?! Но мы так не договаривались. Ведь все платили... Монахи... А вы...

И вдруг еще:

— Вы нас обобрали! Мы вам говорили, что у нас больше денег нет! — уже кричали в трубку, и он не мог понять, кто это — мать или дочь. — Мы говорили, что у нас всего... тысячи... У нас больше нет!

— Не было такого...

— Вы нас обобрали!.. Вы...

В голове как стукнуло: «Да что ж это такое!» И — зловещий голосок: «Вот видишь, какие они и почему у них такие проблемы с азиатами, с соседями...»

Слушал, и ему... было жаль их.

Но что-то менялось. Те, ради кого еще пять минут назад он готов был броситься в огонь и воду, подкосили его.

— Мы напишем на вас... Мы ославим вас как адвоката... Мы...

— Дайте Ксюшу, — еще пытался он что-то объяснить — может, хотя бы Ксюше.

— Верните наши деньги!.. — Только теперь он понял, что это кричит Ксюша.

Он не выдержал. Бросил трубку. Раздался снова звонок и тот же вопль. Его попытка что-то возразить оказалась безуспешной. Снова звонок, снова...

Он уже не хотел брать трубку, но берет и слышит: «Покайся!»

Опять пиканье... И снова: «По-кай-ся!»

Он отключил телефон, представив, как мечутся мать и дочь по комнате, проклиная его и всех адвокатов на свете. Чувствуя, как сдавило под лопаткой и щелкнуло в ушах — прыгнуло давление, — полез в карман за таблеткой.

Посмотрел в бумаги:

— Да вот заплатила... Всего... И на какие я поеду...

Теперь эхом кричало внутри: «Обобрали... Нищих...» И гремело: «Покайся!..»

Всю ночь проворочался, и это «Покайся!» гудело в ушах.

6

«Если так на тебя кричали, то как на следователя?» — раздумывал он, поглядывая на аппарат, который молчал.

Першило в горле. Он как бы заглушал в себе Нижний, звавший и отталкивавший, не без горечи думал, что не увидит «Арбат», «Кремль», не будет стоять над Окой, над Волгой, не обрадуется экзотичному городу. И не поможет маме и двум девочкам. Или поможет? А как? Будет ездить за тысячу километров за свой счет? Нет уж... Он не владелец пароходов, заводов, даже худого киоска на рынке, чтобы спонсировать такие выезды. И лишь горчило, что так все быстро оборвалось...

Национальный вопрос теперь перерос в адвокатский.

И иногда, прямо среди ночи, над ним словно взлетала тетка с клюкой и кричала: «Покайся!»

И он просыпался в поту. И чувствовал, что попал в тупик, из которого не выдел выхода.

Сколько веревочке не виться, но пришла телеграмма: его вызывали в Богородск.

Сначала Федин телеграмму не взял.

— Вы адвокат? — спрашивала через дверь почтальон.

— Нет. Его нет. А что там?..

— Телеграмма...

— Откуда?

— Из Нижнего Новгорода...

Но потом принесли телеграмму повторно, и он ее взял. Но в Богородск ехать не собирался. И теперь разрабатывал план, как увернуться от поездки:

«Заболеть?.. Сказаться занятым по другому делу?.. Да и как я ее могу защищать, когда меня... и в хвост и в гриву».

Он не мог даже предположить, что «монашка» окажется такой рьяной.

На то, чтобы определиться с поездкой, у него оставалось несколько дней.

Говорил себе: «Нет-нет, ни за что не поеду... Пусть их потаскают, пусть понервничают, пусть узнают, как на адвоката такое нести...» Хотя все время в сердце ныло: «А как им, этим бедолагам?.. Да еще без юриста».

Однако реальность становилась все прозаичнее: казавшиеся раньше агнцами, бывшая учительница и ее дочь, которых хотят загрызть окружившие их волки, представлялись теперь не овечками, а страшилками, которые не всякому зверю по зубам.

Таился, таился, но попался на крючок: позвонила Бушуева. Он отговаривался, говорил, что собирается ехать, но подзащитные вроде от него отказались — намекал на телефонный разговор с криками, и еще говорил о неотложных местных делах.

— Ну что ж... Только пришлите что-нибудь в свое оправдание, — сухо сказала Бушуева, видимо, тоже доведенная до ручки.

Получив такое негласное согласие на его отсутствие, с приподнятым настроением он побежал на почту, отбил телеграмму, что прибыть не может. На сердце вроде бы полегчало, но занозой подспудно нет-нет да тревожило: «А не в больнице ли она? А жива ли?..»

Время шло, подтапливая снег, изливаясь с крыш струйками, бурля ручейками по земле, и все глуше становились воспоминания о бедолагах в Нижнем, и отдалялся от него этот город... Но судьбы матери и дочерей так и не отпускали его полностью. Ему бы поехать туда, пусть и за свой счет, прояснить ситуацию, снять камень с души. Он даже собирался в дорогу, но, когда доходило до того, чтобы купить билет, сдвинуться с места не мог, и только крепко жмурился на яркое апрельское солнце.

В напоминание вытащил из почтового ящика конверт с круглым штампом отправителя «Нижний Новгород...»

«Федину», — прочитал.

Дали знать о себе учительница с дочками? Требуют назад деньги? Просят приехать? Прощения? Вот бы...

Заходил кругами по комнате. Посмотрел на графу отправителя: «ГУВД Нижнего Новгорода...»

«О, боже! Неужели накатали на меня заявление? Завели дело? — звучало внутри. — А следовало... Негоже бросать болящую с дочками...»

Он вытащил из конверта свернутый вдвое листочек.

Никчемная бумажонка! Это к нему пришел ответ на одну из жалоб на следователя.

Он чуть не подпрыгнул. Эх ты, а думал... А тут — тьфу!..

Но внутри что-то зловеще заныло: «Не говори гоп, пока не перепрыгнешь». Задумался: что-то не то! Видимо, драка идет, и еще не факт, что минует меня...

Смотрел в окно: низко к земле опускались набухшие облака, грозя разразиться холодным дождем, а может, и снегом... И содрогнулся от мурашек, пробежавших по спине.

А весна вовсю бушевала кругом, цвели вишни и терпко пахло черемухой. Федин пару раз съездил на дачу, поковырялся на грядках, пытаясь отвлечься и отдохнуть.

Клиентов у него перепадало не особо, и он даже подумывал: может, самому объявиться в Нижнем, реанимировать незаконченное дело? Ему мало верилось в то, что устояла в схватке с «мильтонами» и нацменами учительница — ее болезнь обострялась. И возникал вопрос, вывернулись ли из жуткой передряги ее дочери, сумели ли продать дом в Доскино и купить комнатенку в Нижнем, где бы их никто не трогал?..

Вроде бы гром над Фединым не грянул, и жизнь шла без серьезных терзаний, но нередко вдруг ни с того ни с сего безысходно вспыхивал в его сознании похожий на вой крик: «По-кай-ся... По-кай-ся...»

□ □